В. А. Капустина

Шереметевы
И
А.С.Пушкин

Санкт-Петербург
2002

Бр + кэк

В. А. Капустина

С наилучшими пожеланиями
всем работникам библиотеки
г. Бугуруслана.

В. Капустина

2. VI. 2004

Шереметевы и А.С.Пушкин

Санкт-Петербург
2002

Валерия Алексеевна
Капустина

В этом исследовании
рассказывается о представителях
рода Шереметевых,
с которыми сталкивала судьба
А.С.Пушкина.
Некоторых из них
поэт называл
своими приятелями.

Вместо предисловия

Жизни А.С. Пушкина посвящено огромное количество литературы. Но как и сама личность поэта, так и его окружение не избежали определенных стереотипов.

Из одной книги в другую перекочевывают имена друзей и приятелей поэта – весьма ограниченный круг людей. А о других современниках поэта, с которыми сталкивала его судьба, известно мало.

Занимаясь исследованием Нижегородской ветви Шереметевых, я натолкнулась на свидетельства, из которых следует, что Пушкин был близко знаком со многими представителями рода Шереметевых.

В 1909 году граф Вл. Мусин-Пушкин (потомок Алексея Васильевича Шереметева) писал: «Хотя А.В. Шереметев и не играл особой роли в жизни Пушкина, все же и самые незначительные факты и сведения об их отношениях представляют известный интерес и могут иметь значение для составления полной биографии великого поэта».

Полная биография Пушкина невозможна и без описания его встреч с другими представителями рода Шереметевых.

Граф
Борис Петрович
Шереметев

Далече грянуло ура:
Полки увидели Петра.
И он промчался пред полками,
Могущ и радостен, как бой.
Он поле пожирал очами.
За ним вослед неслись толпой
Сии птенцы гнезда Петрова –
Его товарищи, сыны:
И Шереметев благородный,
И Брюс, и Боур, и Репнин.

А.С. Пушкин
Поэма «Полтава»

Хочу воспеть, войны и славы бог,
Я храбрых русских, к приступу готовых…
Всё ж об иных я должен говорить.
Шихматов, Шереметев, Разумовский,
Куракин, Мусин-Пушкин были там,
Погибель и позор суля врагам.
То были люди чести и совета…

лорд Байрон
поэма «Дон-Жуан»
(штурм Измаила).

Василий Сергеевич
Шереметев
Худ. О.А.Кипренский

Глава I.1799 – 1812 годы

Древний род Шереметевых на протяжении 400 лет давал России славных воинов и полководцев, чьим боевым заслугам известный историк XIX столетия А.П. Барсуков посвятил семь объемистых томов.

Шереметевы – храбрые воины, государственные деятели и дипломаты – прославились не только в Росси, но были известны по всей Европе. И если в поэме «Полтава» А.С. Пушкин воспел знаменитого Петровского фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева, то лорд Байрон увековечил боевые подвиги внучатого племянника фельдмаршала – генерал-майора Василия Сергеевича Шереметева.

Василий Сергеевич (1756-1831) – старший современник Пушкина. Его третий сын Петр Васильевич (1799 – 1837) – ровесник поэта. «Мой приятель Шереметев» – так впоследствии поэт называл Петра Васильевича.

Детство Пушкина прошло в «белокаменной», куда в те годы часто заезжал Василий Сергеевич из Нижегородских вотчин. В Москве по четвергам устраивался традиционный «детский день» – бал для юных представителей дворянства у танцмейстера Иогеля. Также почти ежедневно бывали выезды в гости к родственникам, к друзьям – это расширяло круг общих знакомых.

Вместе с сестрой Ольгой Пушкин часто бывал в гостях у Сушковых. Один из них, Николай Васильевич, был известным литератором, издателем, автором воспоминаний о Московском Благородном Пансионе [1]. В письме от 9.X.1826 г. Пушкин пишет П.А. Вяземскому о своем давнем знакомстве с Н.В. Сушковым.

Сохранились воспоминания Сушкова о юном поэте: «Шаловливый и острый ребенок уже набирался ранних впечатлений, резвясь и бегая на колокольню Ивана Великого, и знакомясь со всеми закоулками и окрестностями златоглавой столицы».

Сушков посвятил теплые слова и семье «благотворителя» Василия Сергеевича Шереметева. Перечисляя членов попечительского Совет Пансиона, Сушков пишет: «Увенчаю этот список бо́льшею ча-

стью известных лиц, памятным именем благотворителя – Василия Шереметева, воспитанника вольного Благородного Пансиона...»

Трагические события войны 1812 года вновь высвечивают для потомков ратные подвиги Шереметевых – в Бородинском сражении был тяжело ранен и контужен старший сын В.С. Шереметева – Сергей Васильевич (1792-1866). По воспоминаниям однополчанина, он получил при Бородино такие ранения, которые могут «быть украшением» любого офицера.

Семья Василия Сергеевича проживала в селе Богородском Нижегородской губернии, куда с приближением к Москве войск Наполеона устремились многие известные семьи, в том числе и родные Пушкина. Поэт Василий Львович Пушкин – дядя Александра (его «Парнасский отец») – пишет об этих событиях в стихах, моментально разошедшихся по всей России:

Чад, братий наших кровь дымится
И стонет ужасом земля,
А враг коварный веселится
На башнях древнего Кремля!
Примите нас под свой покров,
О, Волжских жители брегов!...
Скитаться мы принуждены...[2]

В своих воспоминаниях князь И.М. Долгорукий, родной правнук фельдмаршала Б.П. Шереметева, посетив Нижний Новгород в 1813 году, пишет о своей встрече с Василием Львовичем Пушкиным. Он побывал также в доме Василия Сергеевича Шереметева, своего троюродного дяди, активного участника в организации Нижегородского Ополчения. Дядя находился уже в возрасте и в отставке.

В 1812 году Пушкин был лицеистом и жил в Царском Селе. Из воспоминаний его однокашников: «Эффект войны на лицеистов был действительно необыкновенный... Не можем не вспомнить горячих слез, которые мы проливали над падением Москвы, и какое взамен слез пошло у нас общее ликование, когда французы двинулись из Москвы».

Последствия нашествия французов и пожара Москвы оказались ужасны: из 9.158 зданий столицы сгорели 6.532!

Где прежде взору град являлся величавый,
Развалины теперь одни;
Москва, сколь Русскому твой зрак унылый страшен!

Исчезли здания вельможей и царей,
Всё пламень истребил... –

писал юный поэт, безмерно влюбленный в свой родной город – ту, еще допожарную Москву.

По завещанию графа Николая Петровича Шереметева в Москве строился Странноприимный дом. Достраивал и открывал его Василий Сергеевич, бывший троюродным братом графа. Этот дом также был сильно поврежден. На его восстановление Василий Сергеевич пожертвовал 15.000 рублей.

Глава II. 1817-1824 годы.

В 1813 г. в походе русских войск на Париж участвовал второй сын В.С. Шереметева – Василий Васильевич (1794-1817), поручик кавалергардского полка. В октябре 1817 г. он производится в штабс-ротмистры.

Этой же осенью Пушкин после окончания Лицея начинает службу в Коллегии Иностранных дел. Он был зачислен 15.VI.1817, а А.С. Грибоедов зачисляется 11.VI.1817. В этой Коллегии уже служил граф А.П. Завадовский, с которым Грибоедов снимал одну квартиру.

Осень 1817 года – самая светлая пора в жизни молодых людей. Они вращаются в высшем обществе, знакомятся с интересными людьми, участвуют в балах, званных вечерах или в тесном кругу приятельской пирушки. Недаром Грибоедов в письме к своему другу С.Н. Бегичеву (сослуживцу по полку с В.В. Шереметевым) с юношеским восторгом писал: «Приезжай, приезжай, приезжай поскорее!», чтобы повеселиться и «подурачиться»[3] в Шустер-клубе с В.В. Шереметевым и Авд. Истоминой. «Сколько здесь портеру и как дешево!»

Пушкин, как и вся светская молодежь Петербурга, становится страстным поклонником театра, и в первую очередь балета. В то время особенно славились блистательные хореографические постановки знаменитого француза Дидло.

Там и Дидло венчался славой:
Там, там под сению кулис,
Младые дни мои неслись. (Евгений Онегин)

В театре уже блистала юная Истомина:

Толпою нимф окружена,
Стоит Истомина; она,
Одной ногой касаясь пола,
Другою медленно кружит,
И вдруг прыжок, и вдруг летит…

Знакомство с семьей Всеволожских, известных заядлых театралов, свело молодого Пушкина с Алябьевым, Верстовским, Глинкой[4], Улыбышевым, Шаховскими. Знаменитую «Зеленую лампу» (литературно-театральный кружок Всеволожских) посещали также Сергей, Василий, а затем Петр и Николай – сыновья Василия Сергеевича Шереметева.

Этой же осенью Пушкин, посещая литературные салоны Лавалей, Олениных, братьев Тургеневых, читает свои юношеские стихи и отрывки из поэмы «Руслан и Людмила», вызывая единодушное восхищение и признание. Он участвует в новом, прогрессивном литературном кружке «Арзамас», собравшем талантливую молодежь Петербурга. В собраниях кружка участвовали Жуковский, А. Тургенев, С. Уваров, Дашков, Вигель – прекрасно образованные, с тонким художественным вкусом и чувством юмора, полные молодой бесшабашной веселостью.

Арзамасцы шутливо называли себя «почетными гусями Арзамаса», так как каждое собрание заканчивалось дружеским ужином с обязательным жареным гусем – символом города Арзамаса. К 1817 г. почетными гусями становятся Вяземский, Батюшков, В. Л. Пушкин, которому племянник посвящает послание:

Тебе, о Нестор Арзамаса,
В боях воспитанный поэт, –
Опасный для врагов сосед
На страшной высоте Парнаса…

П.А. Вяземскому еще весной 1817 г. Пушкин пишет шутливое послание: «Безбожно молодого человека держать взаперти и не позволять ему участвовать даже в невинном удовольствии погребать покойную Академию – Беседу губителей русского слова»[5].

Пушкин долгое время поддерживал дружеские отношения с С.С. Уваровым.[6] Впоследствии Уваров, делая карьеру и опасаясь обвинений в «недозволенной вольнолюбивой деятельности», будет ссылаться на шутливо-развлекательный характер собраний «Арзамаса».

Обладая даром художественного восприятия окружающего мира, одаренный острым пытливым умом, Пушкин внимательно наблюдает жизнь общества и, спустя годы, запечатлел свои наблюдения в первых главах «Евгения Онегина»: давал портреты всех своих знакомых; изобразил быт и нравы петербургского общества начала 19 столетия. И даже в дуэли Ленского и Онегина у поэта были прообразы – нашумевшая тогда «четверная» дуэль В.В. Шереметева и А.П. Завадовского, А.И. Якубовича и А.С. Грибоедова.

Пушкин был близко знаком и с Грибоедовым, и с Якубовичем – лучшими друзьями В.В. Шереметева. Дуэль состоялась из-за балерины Истоминой. В нее был страстно влюблен Шереметев. Но балериной увлекся и Завадовский. Шереметев иногда доверял Грибоедову проводить Истомину из театра домой. Но однажды вместо дома Грибоедов отвез балерину к Завадовскому. По словам Н.В. Сушкова, Истомина изменилась к Шереметеву по той причине, что «истончал его карман», и стала искать другого богатого покровителя.

Пылкий Шереметев вызвал Завадовского на поединок. После их дуэли решили стреляться Грибоедов и Якубович.

Из письма Н.И.Тургенева к брату: «Здесь же новостей тоже интересных мало.. Есть одна печальная. Граф Завадовский третьего дня застрелил на дуэли Шереметева, сына Василия Сергеевича. Сей последний жил с танцовщицею Истоминою, которая понравилась и Завадовскому и два раза у него была. Шереметев взбесился и требовал с бешенством дуэли. Вчера он умер. Каверин, как и следовало ожидать, был при дуэли. Но что всего страннее, один уланский офицер, Якубович, друг Шереметева, вызвал на месте же Завадовского. <В письме ошибка – не Завадовского, а Грибоедова.> Секунданты не позволили драться». Необходимо было срочно везти домой умиравшего Шереметева.

Тема дуэли нашла отражение в ряде набросков и сочинений Пушкина: см. «Набросок к русскому Пеламу», «Роман на Кавказских водах», наброски к задуманному роману «Две танцорки». Состояние Онегина после дуэли с Ленским точно повторяет письмо Грибоедова к Бегичеву.

За участие в дуэли Якубович был сослан на Кавказ, где в 1818 г. состоялась его дуэль с Грибоедовым. У Грибоедова была прострелена кисть левой руки.

Известно, что смерть друга перевернула жизнь Грибоедова: на него напала смертная тоска, ему всюду виделся умирающий Шереметев. И он бросился вон из Петербурга и уехал на Кавказ. Как точно определил Пушкин, «он круто поворотил свою жизнь». Восемь лет спустя в Петербург вернулся совсем другой человек, автор знаменитого «Горя от ума».

Все эти события и поступки поэт воспроизводит в душевном состоянии Онегина после дуэли с Ленским:

Им овладело беспокойство,
Охота к перемене мест
(Весьма мучительное свойство,
Немногих добровольный крест).
Оставил он свое селенье,
Лесов и нив уединенье,
Где окровавленная тень
Ему являлась каждый день.

Завадовский, смертельно ранивший Шереметева, прожил 25 лет – всего на два года больше погибшего.

Двадцать лет спустя, в 1837 году А.С. Пушкин был ранен на дуэли в живот – так же, как и В.В. Шереметев. И поэт с таким же христианским смирением и всепрощением ушел из жизни.

Глава III. 1824-1829 годы.

В 1817 году известный портретист О.А.Кипренский напечатал в сборнике «Сын Отечества» письмо из Рима, которое заинтересовало Пушкина. В обращении к близкому другу А.Тургеневу поэт пишет: «Вы помните Кипренского, который из поэтического Рима напечатал вам в «Сыне Отечества» поклон и свое почтение… Я обнимаю вас из прозаической Одессы… Я на досуге пишу поэму «Евгений Онегин».

В 1824 году Кипренский приезжает в Петербург после десятилетнего отсутствия. Академия живописи очень холодно отнеслась к нему, не присудив звания профессора.

Большую материальную поддержку и помощь ему оказал молодой богач – граф Дмитрий Николаевич Шереметев. Он отвел Кипренскому под ателье часть своего Фонтанного дворца – анфиладу комнат в правом крыле второго этажа, где размещалась картинная галерея Шереметевых. Об этом Ф. Брюллов писал своим братьям в Италию: «Шереметев – богач, который в кавалергардах служит корнетом, взял его к себе своим живописцем».

Дмитрий Николаевич заказал Кипренскому свой парадный портрет, о котором сразу заговорили не только в Петербурге и Москве, но и в Италии. «Я слышал, – писал из Италии Щедрин,– что он написал очень хороший портрет Шереметева». В 1826 г. Василий Сергеевич Шереметев принес этот портрет в дар Странноприимному дому, «дабы засвидетельствовать признательность за великодушные его пожертвования». До революции портрет находился в зале Странноприимного дома, сейчас он находится в Историческом музее Москвы.

Помимо того, что сам граф становится одним из первых заказчиков, он рекомендует Кипренского своим знакомым, в том числе престарелому дяде – генералу Василию Сергеевичу Шереметеву. Позднее Кипренский писал о Дмитрии Николаевиче: «Признаюсь перед всеми, что обязан ему многим в жизни моей».

Вскоре Кипренский получает от А.А.Дельвига, друга Пушкина, заказ: написать портрет поэта. Окончательный вариант портрета был завершен в 1827 году. Пушкин находился в зените своей литературной славы: большими тиражами расходятся его прекрасные поэмы «Руслан и Людмила», «Бахчисарайский фонтан», отдельные главы «Евгения Онегина». Поэт пережил трагические дни декабря 1825 года, разлучившие его с лучшими лицейскими однокашниками. На портрете его взгляд обращен вдаль, он как бы видит своих друзей, сосланных в Сибирь, в нем отрешенность и глубокое внутреннее напряжение. Кипренский чувствует в Пушкине возвышенного романтика, певца свободы, вобравшего лучшие черты передовой интеллигенции. Художник вносит живописную деталь в костюм поэта – свободно переброшенный шотландский (Байроновский) плед. Тем самым он проводит параллель с собратом Пушкина по перу – лордом Байроном.

В благодарность художнику Пушкин пишет:

Любимец моды легкокрылой,
Хоть не британец, не француз,
Ты вновь создал, волшебник милый,
Меня, питомца чистых муз…

Работа над портретом еще более сблизила Пушкина и Кипренского. Поэт был знаком с художником еще в лицейские годы, когда тот жил в Царском Селе и рисовал лицеистов и их родных.

Позируя Кипренскому в Фонтанном дворце, Пушкин ближе знакомится и с его хозяином – графом Дмитрием Николаевичем, который своим радушием, гостеприимством, хлебосольством и добротой (недаром «жить за счет Шереметева» стала крылатой фразой Петербурга) вызывает долголетнюю неизменную симпатию и доброе дружеское расположение поэта. Ежедневно за столом у графа собирается общество его сослуживцев – офицеров. Здесь Пушкин вновь встречается со своими давними приятелями – родственниками графа Петром Васильевичем и Алексеем Васильевичем Шереметевыми.

Петр Васильевич, как и старшие братья Сергей и Василий, служил кавалергардом. Но с детства имея слабое здоровье[7], он в 1823 г. по болезни был уволен от службы штабс-ротмистром. В том же году он был пожалован придворным званием камер-юнкера и вместе с сестрой Натальей Васильевной уехал на курорты Франции поправлять здоровье. Вернувшись в Петербург, Петр Васильевич служит в чине коллежского асессора в Коллегии иностранных дел, а с 1826 года назначается чиновником дипломатического корпуса в Париже.

Возвратившись в Петербург в 1827 году, Петр Васильевич встречается с Пушкиным. Поэт пишет о нем: «Это напомнило мне слова моего приятеля П.В. Шереметева по возвращении его из Парижа: «Худо, брат, жить в Париже, есть нечего; черного хлеба не допросишься!».

С июня 1828 года Петр Васильевич вновь служит в кавалергардском полку. Очень теплые дружеские воспоминания об этом периоде жизни оставил его близкий друг и сослуживец Гаврила Васильевич Бобоедов. Офицеры жили «душа в душу и составляли как бы одну семью», притом богатые всегда помогали бедным. По окончании занятий все собирались у кого-нибудь из товарищей провести время, поговорить, пошутить.

Особым гостеприимством, как и его старшие братья, отличался всегда Петр Васильевич. Как говорил Бобоедов, «неравенство материального состояния не мешало дружбе, в которой не было ни корысти, ни самолюбия, а все было просто и искренне». Называли друг друга ласковыми прозвищами: «бобешка», «фишка», «простыня» – за простоту и добродушие.

Так же, как и братья, Петр Васильевич, при всем благородстве своей души, отличался особой горячностью и вспыльчивостью. Однажды его друзьям пришлось приложить немало усилий, чтобы предотвратить дуэль: Петр Васильевич вызвал на дуэль одного из офицеров, которого не переносил только по той причине, что, по его словам, «плюй ему в рожу, он только оботрется».

Из четырех сыновей генерал-майора Василия Сергеевича, Петр Васильевич явился единственным продолжателем Нижегородской ветви Шереметевых.

В 1829 г. при путешествии в Арзрум Пушкин много времени проводил в обществе Михаила Ивановича Пущина – родного брата своего лучшего друга по Лицею Ивана Пущина. Вместе с Михаилом Ивановичем поэт едет лечиться в Пятигорск и Кисловодск, где они в компании друзей-офицеров принимают подогретые нарзанные ванны. В Пятигорске они вначале поселились в гостинице, но, узнав, что сюда приехал Петр Васильевич, они перешли на жительство в дом доктора Реброва «в компанию Петра Васильевича Шереметева – большого хлебосола, который также лечился на водах». Далее Пущин вспоминает: «Несмотря на намерение много заниматься, Пушкин мало чем занимался. Вообще мы вели жизнь разгульную, часто обедали у Шереметева Петра Васильевича, жившего с нами в доме Реброва[8]. Шереметев кормил нас отлично и к обеду своему собирал всегда довольно большое общество». Разумеется, после обеда:

В ненастные дни
Занимались они
Делом:
И приписывали,
И отписывали
Мелом.

Этот эпиграф к поэме «Пиковая дама» как нельзя лучше характеризует увлечение молодых людей – игру в карты, которой, бывая в компании офицеров, так же страстно предавался и Пушкин. Таким образом, о герое «Пиковой дамы» Германе Пушкин писал не понаслышке, а имея свой собственный опыт, о чем 1.IX.1828 г. он пишет Вяземскому: «...Пока Киселев и Полторацкие были здесь, я продолжал образ жизни, воспетый мною таким образом:

А в ненастные дни
Собирались они

Часто;
Гнули – Бог их прости!
От пятидесяти
На сто,
И выигрывали,
И отписывали мелом.
Так, в ненастные дни
Занимались они
Делом.

В «Записках» декабриста И.Д. Якушкина (мужа троюродной сестры Петра Васильевича Шереметева Анастасии Васильевны Шереметевой), большого приятеля Александра Сергеевича, имеется следующая запись: «Иногда он (Пушкин) корчил лихача, вероятно вспоминая Каверина и других своих приятелей-гусаров в Царском Селе...». Выражение «корчил лихача» не совсем точно по отношению к поэту. Достаточно обратиться к воспоминаниям генерала Ушакова о перестрелке 14.VI.1829 г. около Арзрума: «Перестрелка замечательна была потому, что в ней участвовал славный поэт наш Александр Сергеевич Пушкин... Когда войска отдыхали в долине Инжесу, неприятель внезапно атаковал передовую цепь нашу. Поэт, в первый раз услышав около себя столь близкие звуки войны, не мог не уступить чувству энтузиазма. В поэтическом порыве он тотчас выскочил из ставки, сел на лошадь и мгновенно очутился на аванпостах. Опытный майор Семичев, посланный генералом Раевским вслед за поэтом, едва настигнул его и вывел насильно из передовой цепи казаков в ту минуту, когда Пушкин, одушевленный отвагою, столь свойственною новобранцу-воину, схватив пику после одного из убитых казаков, устремился противу неприятельских всадников. Можно поверить, что донцы наши были чрезвычайно изумлены, увидев перед собою незнакомого героя в круглой шляпе и в бурке[9]. Это был первый и последний военный дебют любимца муз на Кавказе».

Поскольку до окончания военных действий поэт несколько раз неудержимо рвался на передовую, он для безопасности был поручен генералом Раевским М.И. Пущину. В память этих событий и дружеского расположения к Пущину, пребывая в Пятигорске, Пушкин написал своему другу на виньетках стихи с собственным рисунком – верхом на лошади с пикой:

Автопортрет Пушкина, выполненный им во время пребывания в карантине в Гумрах (28.7.1829) при возвращении из Арзрума.

Вот перешедши мост Кокушкин,
Опершись ж...ой о гранит,
Сам Александр Сергеич Пушкин
С monsieur Онегиным стоит.
Не удостаивая взглядом
Твердыню власти роковой,
Он к крепости стал гордо задом...
Не плюй в колодезь, милый мой!

Не удивительно, что среди передовой части общества -- боевых офицеров – поэт пользовался особой любовью и популярностью за остроту своей мысли, всегда уместной шутке и даже умению наозорничать в своих гениальных стихах.

Интересен также эпизод из жизни общества в сентябре 1826 г., когда все Шереметевы и Пушкины принимали участие в коронации Николая I. Бесконечные торжества, праздники, гуляния, балы. «Сегодня, 15 сентября, у нас большой народный праздник..., – пишет поэт П.А. Осиповой, – ...версты на три расставлено столов на Девичьем поле; пироги заготовлены саженями, как дрова, у почтенной публики будут фонтаны вина». Здесь же Пушкин встречается со своими давними знакомыми – представителями рода Шереметевых.

Для графа Дмитрия Николаевича эти дни были самыми яркими и радостными на фоне его одинокой сиротской молодости. Впервые в свет была вывезена его будущая жена, шестнадцатилетняя Анна Сергеевна Шереметева, троюродная сестра Петра Васильевича и Алексея Васильевича[10] Шереметевых. Они все вместе посещают балы и праздничные мероприятия. Юную очаровательную девушку в кругу своих братьев, давних знакомых Пушкина, увидел и запомнил поэт. Ее дальнейшая судьба – это почти портрет любимой героини Александра Сергеевича Татьяны Лариной.

По воспоминаниям современников, Алексей Васильевич имел необычно яркую внешность – очень смуглое лицо, «как у азиата или цыгана», и выразительные темно-карие большие глаза. Мимо такой внешности поэт-художник не мог равнодушно пройти, запечатлев ее ярким штрихом в своей поэме «Братья-разбойники»:

«И с ленью праздной
Везде кочующий цыган».

Более точно характеризует Алексея Васильевича его родственница, а затем теща, Варвара Петровна Алмазова-Шереметева в своем

дневнике 1825 года: «Маленький граф (Дмитрий Николаевич) совсем не приехал к нам, он еще более застенчив, чем Алексей Шереметев, а это много значит…».

Как и его троюродный брат граф Дмитрий Николаевич, Алексей Васильевич был наделен природой многими талантами и своеобразным характером. За это среди близких окружающих оба пользовались глубокой привязанностью, вниманием и неизменной дружбой. Они были предельно скромны, застенчивы, добры, хлебосольны, оба часто испытывали ощущение грусти и озабоченности, бывали и минуты уныния.

Роднило их и то обстоятельство, что оба были женаты на родных сестрах: Анне Сергеевне и Екатерине Сергеевне Шереметевых. Причем оба женились, внимая дружеским советам – Алексею Васильевичу наставление дал брат Федор Иванович Тютчев:

Прими ж мой дружеский совет:
Между Московскими красами
Найти легко, сомненья нет,
Красавицу в пятнадцать лет,
С умом, душою и душами.
Женись и в полном смысле слова
Будь адъютант своей жены
(Алексею Васильевичу Шереметеву. 1826 г.)

Жена Алексея Васильевича Екатерина Сергеевна, вторая дочь В.П. Алмазовой-Шереметевой, отличалась большим умом, тактом и удивительной красотой, ее называли «Мадонна».

В 1834 году тот же совет от Пушкина получает граф Д.Н. Шереметев:

Так жизнь тебе возвращена,
Умей же пользоваться ею…
Пора, введи в свои чертоги
Жену красавицу – и Боги
Ваш брак благословят.

Под женой красавицей Пушкин подразумевал свою давнюю знакомую Анну Сергеевну Шереметеву.

Алексей Васильевич Шереметев очень рано попал в литературную среду благодаря своему воспитателю поэту Раичу и матушке Н.Н. Тютчевой, имевшей постоянную переписку с Жуковским, Елагиным, Н.В. Гоголем, П.Н. Муравьевым. Часто посещая литературные вечера, Алексей Васильевич знакомится с Пушкиным в ранней молодости в 1820 г., увлекается его замечательными стихами, записывая их в особую тетрадь, которая сохранилась у его потомков. В ней записаны двадцать семь стихотворений поэта целиком и шесть отрывков. Потомки также часто вспоминали об одной из встреч с поэтом, когда в порыве благодарности Пушкин поцеловал Алексея Васильевича за то, что тот помог удачно подобрать рифму, которая долго не давалась поэту.

В 1820 –1821 годы А.В. Шереметев сближается со своими сослуживцами по полку И.Д. Якушкиным и М.Н. Муравьевым и вместе с ними становится членом Союза благоденствия. Но уже в конце 1821 года он выходит из Союза и в дальнейших тайных собраниях декабристов не участвует. Но его матушка принимала близкое участие в собраниях сослуживцев-декабристов, хранила их тайную переписку, а сестры Алексея Васильевича Анастасия и Пелагея становятся женами декабристов И.Д. Якушкина и М.Н. Муравьева.

Среди прочих талантов, Алексей Васильевич был наделен даром поэзии. Он тонко чувствовал всю прелесть пушкинского стиха, записывая все новое, что поэт читал на литературных вечерах. Но, видимо, Ф.И. Тютчев не без основания упрекал его в лени. Советуя жениться, он, видимо, надеялся на то, что Бог новобрачных Гименей разбудит поэтическую Музу и поможет преодолеть лень:

Тогда предайся вдохновенью,
Разбудит Музу Гименей –
Своей пожертвую я ленью,
Лишь ты свою преодолей.

В 1827 году Алексей Васильевич своими активными действиями помог предотвратить дуэль Пушкина с артиллерийским офицером Вл. Дм. Соломирским, племянником княгини Елены Павловны Урусовой. Пушкин часто посещал Урусовых, был увлечен одной из красавиц кузин их дома, «бывал там весьма весел, остер и словоохотлив; в рассказах, импровизациях и шутках бывал в это время неистощим». Но В.Д. Соломирский серьезно приревновал поэта к княжне, и в один из напряженных моментов ревности придрался к поэту, рассказывающему смешную историю о графине А.В. Бобринской. В вызывающем тоне Соломирский в обществе сделал замечание Пушкину, на что поэт отвечал: «Зачем же вы не остановили меня, когда я только начал рассказ… Спокойно выслушали, а потом каким-то Дон-Кихотом ста-

новитесь в защиту этой дамы»... На следующее утро Соломирский вызвал Пушкина на дуэль, пригласив в секунданты своего сослуживца по полку Алексея Васильевича Шереметева.

Пушкин принял вызов, его секундантом стал Муханов Павел Алексеевич. Но Муханов, не теряя времени, сумел убедить Шереметева, что в случае смерти знаменитого поэта на головы секундантов падет позор и презрение всей России. Шереметев отнесся к этому очень серьезно, и в то же утро привез Соломирского к С.А. Соболевскому, большому другу Пушкина, у которого в то время жил поэт. Сюда же пришел Муханов, и секунданты помирили противников при самом деятельном участии Соболевского, угостившего всех роскошным завтраком. Впоследствии Соломирский и Пушкин были в дружеских отношениях. Пушкин подарил ему томик Байрона (которым Соломирский восхищался) с дружеской надписью.

Историк М.И. Семевский отмечает: «Одною из наиболее выдающихся черт Пушкина простого смертного является бреттерство. О дуэли Пушкин говорит и в прозе, и в стихах; он сам не раз появлялся с пистолетом в руке у барьера и бесстрашно смотрел в глаза смерти. Судьба щадила его вплоть до роковой пули Дантеса».

Пушкин вызывал к барьеру В.А. Сологуба, С.С. Хлюстина, графа Ф.И. Толстого–американца. Но друзья Пушкин все эти дуэли предотвратили. Помирился поэт и с Толстым. Впоследствии они были большими друзьями. Ф.И. Толстой даже помогал Александру Сергеевичу в сватовстве к Н.Н. Гончаровой.

Глава IV. 1829-1837 годы.

1827 год знаменателен для поэта еще одним знакомством, сыгравшим в его жизни очень большую роль – в Петербург из Италии возвращается Елизавета Михайловна Хитрово. О том, какое внимание и любовь с первых дней знакомства проявила к Пушкину Елизавета Михайловна, говорит его первое письмо к ней от 18.VII.1827 г.: «Не знаю, сударыня, как выразить Вам свою благодарность за участие, которое Вам угодно было проявить к моему здоровью; мне почти совестно чувствовать себя так хорошо».

Елизавета Михайловна – любимая дочь фельдмаршала М. И. Голенищева-Кутузова. Вернувшись в Петербург, Хитрово объединила самых просвещенных и блистательных представителей русского общества, имея вместе с дочерью Долли Фикельмон знаменитый салон в Австрийском посольстве. По словам поэта П.А. Вяземского, «вся животрепещущая жизнь европейская и русская, политическая, литературная и общественная, сосредоточилась в салоне матери и дочери». (Примечательная деталь: у них никогда не играли в карты.) На вечерах постоянно бывали Пушкин, Жуковский, Вяземский, братья Тургеневы, Ф.И. Тютчев, К.Ф. Опочинин и другие. Из женщин участвовали Е.А. Карамзина, В.Ф. Вяземская, Л.А. Осипова, фрейлина А.С. Шереметева. (По словам сына Анны Сергеевны графа С. Шереметева, Шереметевы ходили в Австрийское посольство по-родственному). Круг приглашаемых в салон был весьма ограничен – это были очень близкие люди, единомышленники, все они были связаны теплыми дружескими отношениями.

Современники отмечали, что Елизавета Михайловна, воспитанная в семье фельдмаршала на бесконечной любви и внимании к близким, была «неизменным, твердым, безусловным другом своих друзей». Сама она в письме к Пушкину в мае 1830 года пишет: «Располагайте мною во всем без стеснения. Обладая характером, готовым для других пойти на все, я – драгоценный человек для друзей своих, я ни с чем не считаюсь, езжу разговаривать с высокопоставленными лицами – не падаю духом, еду опять; время, обстоятельства – ничто меня не пугает... Моя готовность услужить другим является в той же мере даром небес, как и положение в свете отца моего, и чувствительного воспитания, в котором все было основано на необходимости быть полезной другим!» (Эту же черту полезности для других отмечает Н.В. Сушков в своих воспоминаниях о семье Василия Сергеевича Шереметева).

По словам П.А. Вяземского, Е.М. Хитрово питала к поэту «нежную, страстную дружбу». Для Пушкина это чувство дочери Кутузова было священным; он в ответ испытывал к ней самые теплые, глубокие и добрые чувства дружбы и признательности. Из их переписки видно, что Пушкин делился с ней своими мыслями о политике, литературе; он ей первой посылал свои новые сочинения на суд, обращался с житейскими просьбами, советовался, узнавал от нее все самые новейшие сведения о жизни Европы. «Как я должен благодарить Вас,

сударыня, за любезность, с которой Вы уведомляете меня хоть немного о том, что происходит в Европе! Здесь никто не получает французских газет...» (21.VIII.1830 г.) Или в другом письме от 21.I.1831 г. – «Ваши письма – единственный луч, проникающий ко мне из Европы».

Пушкин, в свою очередь, посылает Елизавете Михайловне в подарок IV, V и VIII главы «Евгения Онегина» с надписью: «Я в восхищении, что Вы покровительствуете моему другу Онегину. Ваше критическое замечание столь же справедливо, как и тонко, как все, что Вы говорите» (10.II.1828 г.) Или позднее: «Я очень рад, что Онегин Вам понравился, я дорожу Вашим мнением.» (Январь 1832 г.).

Выполняя просьбу Елизаветы Михайловны – перевести с французского стихотворение об ее отце, поэт в июне 1831 года пишет стихотворение «Перед гробницею святой»:

Он нам твердит о той године,
Когда народной веры глас
Воззвал к святой твоей седине:
«Иди, спасай!» Ты встал и спас.

Это был трогательный и чувствительный подарок. Автограф этого стихотворения хранился у Хитрово.

Свидетельством удивительной дружбы и бескорыстной любви к поэту явилось письмо Хитрово к издателю «Северной пчелы» за 1830 год, порочившему поэму «Полтава и роман «Евгений Онегин»: «Его блестящая литературная репутация слишком незыблема, чтобы ее что-либо могло поколебать... Мои гости превозносили VII главу, восхищались гармоничностью стихов, описанием зимы, – так волшебно изображенной, правдивостью характера Онегина, который считают написанным с натуры... Размышления поэта о Петровском Зáмке были оценены как имеющие величайшее значение. У какого русского не забьется сердце при чтении этих строк:

Но не пошла Москва моя
К нему с повинной головою».

И далее Елизавета Михайловна пишет замечательные слова о поэте: «Душа его такая пламенная, такая чистая, что, если и есть в нем недостатки, они не могут ни на минуту затмить оную». Пушкин так же высоко чтил эту женщину: «Прощайте, прекрасная и добрая!»

Часто обращается поэт к Елизавете Михайловне с многочисленными житейскими просьбами – личными и для своих друзей. Так, он

просит Хитрово посодействовать для А.П. Керн – помочь выкупить родовое имение, проданное отцом Анны Петровны графу Дмитрию Николаевичу Шереметеву. Елизавета Михайловна пишет записку о своих хлопотах для А.П. Керн; на записке Пушкин делает свои пометки: «...Госпожа Хитрово..., именно мне выпала удача быть ее секретарем. – Вот ответ Шереметева... Желаю, чтобы он был вам благоприятен. Г-жа Хитрово сделала все, что могла».

Такие же добрые отношения сложились у поэта с двумя дочерями Елизаветы Михайловны, и особенно с молодой хозяйкой Австрийского посольства Долли Фикельмон. О первых своих впечатлениях о поэте Долли пишет в 1829 году: «Пушкин, писатель, ведет беседу очаровательным образом – без притязаний, с увлечением и огнем».

Все вместе они в сезон 1829 года посещают маскарады во дворцах Английского и Сицилийского посольств, помогают подобрать поэту соответствующий маскарадный костюм (домино); заботятся о его здоровье, присылая к больному Пушкину своего личного врача, принимают участие в предстоящей женитьбе поэта. Елизавета Михайловна хлопочет перед государем о придворной должности для поэта, дающей постоянный заработок (так необходимый для молодой семьи), а также ограждающей его от излишних цензоров. Затем они помогают юной жене поэта достойно войти в большой свет, а в дальнейшем покровительствуют двум ее сестрам и брату.

Бывая постоянно в Австрийском посольстве, Пушкин становится близким знакомым австрийского посланника графа Шарля Фикельмона и его секретаря молодого графа Модильяни Литта (1803-1855), родного племянника Ю.П. Литта, старшего обер-камергера Двора, которому Пушкин был подчинен с получением придворного звания.

Большую симпатию вызвал у поэта также Константин Федорович Опочинин – родной внук М. Илларионовича Кутузова (племянник Е.М. Хитрово), сын второй дочери фельдмаршала Дарьи Михайловны, впоследствии женатый на Вере Ивановне Скобелевой – родной тетке Ольги Дмитриевны и Михаила Дмитриевича Скобелевых. Яркая внешность К.Ф. Опочинина послужила его близкому другу М.Ю. Лермонтову прообразом портрета Печорина в «Герое нашего времени». В 1829 году Опочинин, живя в Петербурге, пишет в своих «Заметках»: «Здесь Ш. Фикельмон блистательно поддерживал достоинство своего Двора, а посланница австрийская давала тон всем нашим дамам».

В.И.Опочинина
Худ. В.И.Гау

К.Ф.Опочинин
Худ. В.И.Гау

В начале 1830 года Елизавета Михайловна знакомит Пушкина с племянником. Константин Федорович производит на поэта прекрасное впечатление, о чем в письме к Хитрово поэт пишет: «Господин Опочинин оказал мне честь зайти ко мне – это очень достойный человек; благодарю Вас за это знакомство.» Теплому дружескому общению Пушкина и Опочинина способствовало их близкое знакомство с Карамзиными, в салоне которых они часто встречались.

В 1831 году в салоне графини Фикельмон появляются две юные красавицы: Наталья Николаевна Пушкина и Анна Сергеевна Шереметева. Долли покровительствовала им обеим, как обладательницам обольстительной внешности, обаяния, образования и ума.

Анна Сергеевна Шереметева – старшая дочь Варвары Петровны Шереметевой (Алмазовой), с 1831 г. фрейлина императрицы Александры Федоровны. Ее судьба необычна. Выросшая в обедневшей дворянской семье в деревне, мечтательная, хорошо образованная, она в 20 лет попадает в высший свет, где в салоне графини Фикельмон знакомится с молодым графом М. Литта. Они часто встречаются на вечерах в Австрийском посольстве, которые постоянно посещает императрица в сопровождении молоденькой фрейлины. Между графом и фрейлиной возникает глубокое и сильное чувство.

В каждом письме родителям Анна Сергеевна пишет о своих впечатлениях. 5.VIII.1833 г. «Вечер у Фикельмон; пятница – их приемный день. Было много народу, танцевали до двух часов. Граф Д.Н. Шереметев дежурит при Дворе».

3.I.1834 г. «В канун Нового года поэт Пушкин пожалован в камер-юнкеры…»

2.II.1834 г. «В понедельник у гр. Нессельроде бал с царским семейством, в пятницу у Австрийского посла…»

12.II.1834 г. «В пятницу был большой бал у Фикельмон, масса народу…»

4.III.1834 г. «Вчера утром гуляла с Императрицей, в этот день был бал у графини Фикельмон. После обеда мне пришлось одетою сойти к Императрице, чтобы пойти с нею к графине, у которой она одевалась. Бал был блестящий и оживленный до пяти часов утра».

14.III.1834 г. «Вечером будет маленький раут у гр. Фикельмон, на который приглашены А.С. Пушкин, К.Ф. Опочинин, оба Бобринские, молодой граф Литта, – я также приглашена».

Пушкин об этом вечере пишет в своем дневнике 17.III.1834 г.: «Третьего дня (т.е. 14.III) обед у Австрийского посланника. Я сделал несколько промахов. 1) Приехал в пять часов, вместо половины шестого, и ждал несколько времени хозяйку; 2) приехал в сапогах, что сердило меня во все время… Фикельмон удивляется странностям нашего общества».

В декабре 1833 г. Пушкин получил придворное звание камер-юнкера, о чем он пишет в дневнике 1.I.1834 г.: «Третьего дня я пожалован в камер-юнкеры (что довольно неприлично моим летам). Но двору хотелось, чтобы Наталья Николаевна танцевала в Аничкове дворце… Меня спрашивают, доволен ли я своим камер-юнкерством. Доволен, потому что Государь имел намерение отличить меня, а не сделать смешным». Ранее не принадлежавший к высшему обществу, поэт, предпочитающий свободу и независимость (так необходимые для творчества), теперь обязан выполнять все правила придворной жизни. Поэт плохо ориентируется в этих правилах, постоянно делает ошибки, исправлять которые ему помогают все его близкие друзья: Хитрово, Фикельмоны, Бобринские и др. И за каждый свой промах поэт обязан был отчитываться перед церемониймейстером Двора графом Ю.П. Литте.

16.IV.1834 г. «Нашел у себя на столе приглашение на дворцовый бал и приказ явиться к гр. Литте. Я догадался, что дело идет о том, что я не явился в придворную церковь ни к вечерне в субботу, ни к обедне в вербное воскресение. Жуковский сказал мне, что Государь был недоволен… Однако к графу Литте я не поехал на головомытье, а написал объяснение».

17.III.1834 г. «Вчера нашел на своем столе два билета на бал 29.IV и приглашение явиться на другой день к Литте, я догадался, что он собирается мыть мне голову за то, что я не был у обедни…»

В дневнике поэта имеется запись от 8.IV.1834 года, из которой видно, что поэт получил придворное звание одновременно с Василием Александровичем Шереметевым (1795-1862), орловским губернским предводителем дворянства, мужем Юлии Васильевны Шереметевой (1800-1882). В.А. Шереметев получил звание камергера. В дневнике поэт помечает: «Сейчас еду во дворец представиться царице… Представлялся. Ждали царицу часа три. Нас было человек двадцать: Паскевич, Вольховский, Шереметев…»

Е.С.Шереметева

А.В.Шереметев

Знакомство В.А.Шереметева с Пушкиным состоялось в Царском Селе, где был расквартирован лейб-гвардии гусарский полк. В 1815 г. Василий Александрович – поручик, а в 1819 г. – ротмистр этого полка. Известно, что Пушкин был знаком со всеми гусарами. Со многими из них его связывала крепкая дружба. Он восхищался и преклонялся перед ними. После окончания Лицея он даже намеревался поступить на службу в этот полк.

Анна Сергеевна пишет родителям 5.III.1834 г.: «Была с визитом у Юлии Шереметевой. Оба очень любезны. Юлия расспрашивала о Дворе, императрице, всех окружающих их людях, одним словом, она хочет узнать все придворные новости». Это и понятно, так как Юлия Васильевна, приехав в Петербург, готовится с визитом во Дворец, как и было принято с получением нового придворного звания, обязывающего к постоянному присутствию на всех придворных церемониях. В течение всего апреля Анна Сергеевна в каждом письме продолжает сообщать родителям, что встречается с Юлией Васильевной на всех дворцовых мероприятиях, которые в это время также посещают супруги Пушкины, К.Ф. Опочинин, графы Фикельмоны, графы Литта и другие, то есть те, кто составлял центр салона Австрийского посольства.

В 1834 году весь этот круг людей обсуждает судьбу двух прекрасных, достойных молодых возлюбленных, созданных друг для друга, но глубоко несчастных – Анны Сергеевны и графа М. Литта. Их глубокая и сильная любовь встречает сочувствие и уважение всех окружающих, в том числе и императорской четы. Но… Анна Сергеевна, при всех ее природных совершенствах, бесприданница. Старый граф Литта и слышать не хочет о браке своего племянника, грозится выслать его из России. Анна Сергеевна в полном отчаянии; она пишет умоляющее письмо родителям, но все бесполезно. Родители дают понять дочери, что этот брак невозможен. Молодой граф Литта настолько тяжело переживает эту ситуацию, что от расстройства ему делается дурно на придворном бале; его высылают в Европу – поправить здоровье. Императрица очень обеспокоена судьбой молодых людей, этот вопрос не однажды обсуждается в салоне графини Фикельмон; искали выход – как помочь достойной молодой девушке. Поскольку поэт не пропускает приемы у своих друзей в Австрийском посольстве[11], он в курсе данной проблемы.

Сильно беспокоила всех и судьба тридцатилетнего богача – графа Дмитрия Николаевича Шереметева, все еще не женатого. Видные представители света ездят к нему на великолепные церковные службы в Фонтанный дворец (о чем неоднократно записывает в своем дневнике Д. Фикельмон). Слава о прекрасном пении его хора разлетелась по всему Петербургу.

Пушкин часто упоминает имя графа в своей переписке с женой и близкими друзьями. 21.X.1833 г. в письме к Н.Н. Пушкиной: «Охота тебе, женка, соперничать с гр. Соллогуб. Что тебе перебивать у нее поклонников? Все равно кабы граф Шереметев стал оттягать у меня кистеневских моих мужиков».

Весной 1834 года граф Шереметев тяжело и опасно заболел, весь свет был встревожен за его жизнь. Николай I посылает ему своего личного врача. Когда болезнь оставила графа, Пушкин отметил это стихотворением «На выздоровление Лукулла». Поэт сравнивает Шереметева с древнеримским полководцем, славившимся богатством и роскошными пирами. Недаром до сих пор бытует выражение «Лукуллов пир»:

Ты угасал, богач младой!
Ты слышал плач друзей печальных.
Уж смерть являлась за тобой
В сенях дверей твоих хрустальных.
Она, как втершийся с утра
Заимодавец терпеливый,
Торча в передней молчаливой,
Не трогалась с ковра.
В померкшей комнате твоей
Врачи угрюмые шептались.
Твоих нахлебников, цирцей
Смущеньем лица омрачались;
Вздыхали верные рабы
И за тебя богов молили,
Не зная в страхе, что сулили
Им тайные судьбы.

Приветствуя выздоровление графа, Пушкин в стихотворной форме дает совет доброрасположенных к нему людей:

Так жизнь тебе возвращена
Со всею прелестью своею;

Графиня
А.С.Шереметева
Худ. В.И.Гау

Граф
Д.Н.Шереметев

Смотри: бесценный дар она,
Умей же пользоваться ею.
Укрась ее, года летят,
Пора! Введи в свои чертоги
Жену красавицу – и боги
Ваш брак благословят.

Под красавицей женой Пушкин подразумевал общую любимицу салона Фикельмон Анну Сергеевну. Брак Анны Сергеевны и графа уже серьезно обсуждался в кругу друзей императрицы. И поэт сумел выразить в стихотворении дружеский совет, как единственно верное средство устроить достойно жизнь двух представителей прославленного рода Шереметевых, а главное, не дать угаснуть графской ветви этого рода. Об этом беспокоились многие представители русского общества.

Пожелание великого поэта исполнилось спустя два года. Можно обоснованно утверждать, что этот брак очень желал дядя Дмитрия Николаевича Василий Сергеевич Шереметев, который, как никто более, заложил фундамент его, помогая в 1824 году совсем обедневшим родителям Анны Сергеевны войти в петербургский свет и занять в нем достойное место.

К венцу Анну Сергеевну убирала императрица, венчание проходило в церкви Аничкова дворца. Там же императорской четой был устроен ужин, после которого император, посаженный отец молодых, отвез графа в Фонтанный дворец и встретил там хлебом-солью молодую, благословил супругов и проводил их в спальни. Государь был очень радостный весь вечер, ходил по дворцу и пил здоровье молодых.

К сожалению, у стихотворения «На выздоровление Лукулла» есть и вторая сторона, сыгравшая в последние годы жизни великого поэта очень печальную роль. Забыв осторожность, он задел за живое близкого родственника и наследника графа Шереметева С.С. Уварова, и тот не простил поэту этого промаха.

К 1834 году, времени написания «Лукулла», отношения Пушкина и Уварова уже не такие безоблачные, как прежде. Уваров, делая карьеру, совершает неблаговидные поступки, свет его презирает и осуждает. Пушкин, обращаясь к Шереметеву, говорит прямо:

Наследник твой,
Как ворон к мертвечине падкий.

В дневнике поэта того периода появляется запись: «Уваров большой подлец. Он кричит о моей книге (Пугачев) как о возмутительном сочинении. Его клеврет Дундуков[12], дурак и бардаш, преследует меня своим цензурным комитетом... Кстати об Уварове: это большой негодяй и шарлатан. Разврат его известен. Низость до того доходит, что он у детей Канкрина был на посылках. Об нем сказали, что он начал тем, что был б..., потом нянькой, и попал в президенты Академии Наук... Он крал казенные дрова и до сих пор на нем есть счеты. Министр Дашков, встретив Жуковского под руку с Уваровым. отвел его в сторону, говоря, «Как тебе не стыдно гулять публично с таким человеком!»

Уваров проявил свою суть сразу, как только известие о тяжелой болезни Шереметева распространилось по Петербургу. Считая себя наследником графа, Уваров сразу поспешил в Фонтанный дворец – опечатывать бумаги графа и его кладовые. Когда же Шереметев выздоровел, Уваров стал предметом сплетен светских остряков. Пушкин отразил этот момент в стихотворной форме, дав Уварову убийственную характеристику. И когда в декабре 1834 года в одном из номеров «Московского наблюдателя» стихотворение было напечатано, Уваров пришел в бешенство. Было от чего взбеситься:

А между тем наследник твой,
Как ворон к мертвечине падкий,
Бледнел и трясся над тобой,
Знобим стяжанья лихорадкой.
Уже скупой его сургуч
Пятнал замки твоей конторы;
И мнил загресть он злата горы
В пыли бумажных кучь.
Он мнил: «Теперь уж у вельмож
Не стану няньчить ребятишек,
Я сам вельможа буду тож;
В подвалах, благо, есть излишек.
Теперь мне честность – трын трава!
Жену обсчитывать не буду
И воровать уже забуду казенные дрова!»
Уж он в мечтах располагал
Твоей казною родовою,
На откуп реки отдавал,

Рубил наследственные рощи,
Но что? Еще не умер он?
Постой! Зажми пустую лапу!
Зачем же медлить эскулапу!
Забудь соблазна сон.
Но ты воскрес. Твои друзья,
В ладони хлопая, ликуют;
Рабы, как добрая семья,
Друг друга в радости целуют;
Бодрится врач, подняв очки;
Гробовый мастер взоры клонит;
А вместе с ним приказчик гонит
Наследника в толчки.

Друзья Пушкина, в том числе А.И.Тургенев, говорили, что поэтическая строфа «будет служить эпиграфом всей жизни Арзамасского отступника. Другого бы забыли, но Пушкин заклеймил его бессмертным поношением. Поделом вору и вечная мука!»

Однако не все одобряли поэта. Цензор Никитенко 20.I.1835 года записывает: «Весь город занят «Выздоровлением Лукулла». Враги Уварова читают пьесу с восхищением, но большинство образованной публики недовольно своим поэтом. В самом деле, Пушкин этим стихотворением не много выиграл в общественном мнении, которым, при всей своей гордости, однако очень дорожит. Государь через Бенкендорфа приказал сделать ему строгий выговор.»

Объясняться Пушкину пришлось не только с Бенкендорфом, но и с князем Репниным (женатым на двоюродной сестре Д.Н. Шереметева), которые сочли, что Пушкин поступил очень неосторожно, во вред себе. Поэтому, когда профессор Казанского университета Альфонс Жобар перевел оду на французский язык и хотел напечатать в Бельгии, Пушкин просил его не делать этого.

Из письма Пушкина Жобару (24.I.1836): «С истинным удовольствием получил я ваш прелестный перевод оды к Лукуллу и столь лестное письмо, ее сопровождающее... Расположение, которое вы повидимому ко мне питаете и которым я горжусь, дает мне право говорить с полным доверием. В вашем письме господину министру Народного Просвещения вы, кажется, высказываете намерение напечатать ваш перевод в Бельгии..., осмеливаюсь умолять вас, отнюдь этого не делать. Мне самому досадно, что я напечатал пьесу,

Д.Ф.Фикельмон
Худ. Йозеф Крихуберг

написанную в минуту дурного расположения духа. Ее опубликование навлекло на меня неудовольствие кое-кого, мнением которого я дорожу и пренебречь которым не могу, не оказавшись неблагодарным и безрассудным».

Появление оды повлекло за собой новые неприятности для поэта – финансовые. Все, что он издавал, шло через цензурный комитет, который к тому времени возглавил Дундуков-Корсаков под руководством Уварова, министра Народного Просвещения. Реакция Уварова на издаваемый Пушкиным журнал не замедлила сказаться. Никитенко отмечает, что теперь уже сам министр Уваров делал вымарки в стихах Пушкина. И, если прежде в период 1830-1834 гг. государь сам просматривал сочинения Пушкина (после его проверки уже никто не имел права на исправления), то теперь Уваров приказал поступать в отношении Пушкина на общих основаниях. Несколько стихотворений были вымараны полностью. Пушкин «взбесился», т.к. Смирдин платит ему за каждый стих по червонцу. Пушкин теряет здесь несколько десятков рублей».

Финансовое положение Пушкина к этому времени приближалось к катастрофическому, а семья быстро увеличивалась. Именно на этом и хотел «отыграться» Уваров. Князь Репнин, шурин графа Шереметева, написал поэту очень доброжелательное письмо. Подчеркивая свое искреннее уважение к гению Пушкина, Репнин выражает одновременно упрек, отмечая, что поэта больше прославит воспевание «верности и веры русской, а не оскорбление частных лиц». На что Пушкин отвечает: «Милостивый государь князь Николай Григорьевич! Не могу не сознаться, что мнение Вашего сиятельства касательно сочинений оскорбительных для чести частного лица, совершенно справедливо. Трудно их извинить, даже когда они написаны в минуту огорчения и слепой досады. Как забава суетного или развращенного ума, они были бы непростительны. Вашего сиятельства покорнейшим слугою Ал. Пушкин».

Любой другой человек мог сделать вид, что этот выпад Пушкина его не касается. Но Уваров спешит еще более подтвердить свою сущность; вокруг поэта сплелся целый клубок вражды и травли; втянутыми в который оказались его жена Наталия Николаевна, ее сестры, а так же многие близкие знакомые поэта. Об этой трагичной для поэта ситуации впоследствии писал его близкий друг однокашник по лицею декабрист Иван Пущин, с горечью отметивший, что никто из друзей

Пушкина ни в Петербурге, ни в Москве не придал значения, не захотел увидеть надвигающуюся трагедию, предупредить серьезно поэта, предотвратить его гибель, которая для всей России навсегда останется невосполнимой потерей.

По воспоминаниям очевидцев, на отпевании поэта граф Фикельмон с женой явился в полной парадной форме «в звездах»; а Елизавета Михайловна Хитрово, стоя у гроба, «заливалась слезами». По словам П.А.Вяземского, она «в Пушкине глубоко оплакивала друга и славу России.» А.О.Смирнова вспоминала: «Похороны посетили все послы иностранных дворов. Граф Фикельмон дал первый толчок к этому движению». Ш. Фикельмон отправил в Вену Меттерниху донесение, в котором называл Пушкина «выдающимся писателем и первым поэтом России».

В 1850 году Вера Ивановна Опочинина (Скобелева), потерявшая мужа К.Ф.Опочинина в 1848 году и едва оправившаяся от потери, отправляется в Теплиц-Шонау, где проживает Долли Фикельмон – двоюродная сестра покойного Константина Федоровича. Для обеих женщин это было время дорогих и грустных воспоминаний, в память о которых Вера Ивановна привезла в Шишкино (родовое поместье Опочининых) прекрасный портрет Дарьи Федоровны, подаренный ею. Этот литографированный портрет, написанный Йозефом Крихунбергом, ныне хранится в Портретной галерее г.Углича. Легкая улыбка уже не молодой, но все еще прекрасной женщины, поза рук – роднит портрет Д. Фикельмон со знаменитой «Моной Лизой» Леонардо да Винчи. Та же неуловимая загадка во взоре, очаровательная грусть мудрой женщины, познавшей близкое общение с удивительным гением России, носившей в себе до конца дней никогда не утихающую боль нелепой и такой ранней гибели великого Пушкина!

Послесловие

Что значит Пушкин для русского человека? Это наш духовный мир изначально. С первыми словами мы повторяем за родителями:

Три девицы под окном
Пряли поздно вечерком.

или:

Белка песенки поет,
Да орешки все грызет.

В юности каждый из нас пережил драму Татьяны и Онегина чуть ли не острее, чем свою. Любить молча, страдая, это был высокий духовный пример, без которого не могла состояться ни одна юная душа.

В 60-70-е годы прошлого века менялась жизнь, менялись наши взгляды, а Пушкин оставался с нами. И мы уже стали понимать, что Пушкин – это лучшие страницы русской истории. Появилось множество пушкинской мемуаристики: «Пушкин и его друзья», «Пушкин в Михайловском», «Последние годы жизни поэта» и т.д.

В Петербург (Ленинград) я приехала впервые летом 1960 года. Самое удивительное, все лето мы жили в бывшем Голландском посольстве на Дворцовой набережной у дальней родственницы А.И. Апраксиной занимавшей бывший кабинет Геккерна на 2-ом этаже. Каждое утро, проснувшись, мы бежали к огромным окнам, садились на широкие мраморные подоконники и любовались плескавшейся внизу Невой.[13]

Тогда, в свои юные годы, мы еще мало задумывались о том, с какой болью смотрел на эти окна А.С.Пушкин, гуляя по набережной Невы в 1836-1837 годы. Ведь он предполагал, что именно из Голландского посольства пошел гулять по Петербургу грязный пасквиль, приведший к его роковой гибели...

Затем учеба в Институте культуры, находившемся в одном из красивейших дворцов – бывшем Австрийском посольстве, где в 30-е годы 19 столетия в своем салоне блистали три женщины: любимая дочь фельдмаршала Кутузова и его две внучки – Долли Фикельман и Екатерина Тизенгаузен. Пушкин был с ними в самых доверительных отношениях, постоянно украшая их вечера своими поэтическими выступлениями.

Учиться в этих бесподобно прекрасных залах, зеркальные стены которых часто отражали вдохновенное лицо русского гения, было не только радостно и ответственно, но и необыкновенно возвышенно. Сидя на лекциях, выступая в этих залах на концертах, нас не покидало ощущение – здесь бывал Пушкин!

Круг знакомых поэта был чрезвычайно широк – почти все видные петербургские фамилии упоминаются, как близкие ему по дружбе, творчеству и т.д. Работая в Публичке с раритетными изданиями, я убедилась, что поэт был хорошо знаком с несколькими представителями рода Шереметевых.

В истории России многие Шереметевы играли видную роль. В поэме «Полтава» Пушкин называет фельдмаршала «Шереметев благородный». Имя Петра Васильевича Шереметева, представителя Нижегородской ветви, Пушкин увековечил в одном из лучших своих прозаических произведений – в «Путешествии в Арзрум». Яркого представителя Московской ветви Алексея Васильевича Шереметева поэт броским мазком запечатлел в поэме «Братья-разбойники».

К графу Дмитрий Николаевичу Шереметеву Александр Сергеевич питал самые теплые и трогательные чувства, которые не ослабли за 10 лет их знакомства, чему свидетельством появление оды «На выздоровление Лукулла». Равнодушный человек никогда бы не проявил к судьбе Дмитрия Николаевича такое теплое, скорее родственное участие, напутствуя графа самым верным, бескорыстным пожеланием. Ибо только оно могло по-настоящему осчастливить Дмитрий Николаевича, изменить его жизнь наилучшим образом.

Сын Дмитрия Николаевича и Анны Сергеевны Шереметевых Сергей Дмитриевич (1844-1918) унаследовал от родителей глубокое чувство преклонения и восхищения поэтическим гением России. В усадьбе Остафьево, которую при жизни П.А.Вяземского посещали все поэты Пушкинского круга, названную ими «Русским Парнасом», С.Д. Шереметев собрал литературные архивы Вяземских, Соболевского, переписку Пушкина, Баратынского, Батюшкова, Грибоедова. В 1903г. Остафьево превратилось в первый музей-заповедник России. В парке Остафьева С.Д. Шереметевым были поставлены памятники: Н.М.Карамзину, А.С.Пушкину, П.А.Вяземскому, В.А.Жуковскому.

Примечания

[1] В свое время этот Пансион закончили несколько представителей рода Шереметевых, в т.ч. Василий Сергеевич. Позднее в нем учились А.С. Грибоедов и М.Ю. Лермонтов.

[2] До настоящего времени в Нижнем Новгороде сохранились мемориальные доски на старинных особняках, с указанием известных фамилий, проживавших здесь в 1812 году.

[3] Это выражение «подурачиться» было в ходу у молодых людей петербургского общества, к нему также прибегает неоднократно молодой поэт. Читаем в Лицейской редакции посвящения Каверину сослуживцу и приятелю В.В. Шереметева:

1).
Забудь, любезный мой Каверин,
Минутной резвости нескромные стихи.
Люблю я первый, будь уверен,
Твои гусарские грехи.
Прослыть апостолом Зенонова ученья,
Быть может, хорошо – но ни тебе, ни мне.
Я знаю, что страстей волненья
И шалости, и заблужденья
Пристали наших дней блистательной весне.

2).
Пускай умно, хотя неосторожно,
Дурачиться мы станем иногда –
Пока без лишнего стыда
Дурачиться нам будет можно.
Всему пора, всему свой миг,
Всё чередой идёт определенной:
Смешон и ветреный старик,
Смешон и юноша степенный…

[4] Близкое знакомство Шереметевых с М. Глинкой подтверждает тот факт, что, получив в наследство Нижегородские вотчины, С. В. Шереметев официально приглашает композитора в Богородское на должность регента. Глинка от этого предложения отказался, но прислал в Богородское своего талантливого ученика по петербургской Капелле – Кравцева. Н. Г. Кравцев в Богородском очень сблизился с Улыбышевым, который очень дружил с Сергеем Васильевичем и часто у него гостил.
После смерти Улыбышева, Кравцев находит верного друга в лице К.И. Тезикова (моего двоюродного прадеда), ученого-астронома, поэта, одного из адресатов переписки Л.Н. Толстого. На стихи Тезикова Кравцевым написаны романсы и песни.

[5] Так в шутку называли молодые «Арзамасцы» старое литературное общество «Беседы любителей русского слова».

[6] С.С. Уваров с 1818 г. – президент Академии Наук, с 1834 г. – министр Народного Просвещения. Был женат на двоюродной сестре графа Дмитрия Николаевича Шереметева. В письме к С. Уварову от 31.X.1831 г. Пушкин

обращается с большим почтением. В следующем 1832 г. Пушкин напишет жене, что был приглашен Уваровым на вечер в Московский Университет.

[7] Так, 10.6.1814 г. матушка Татьяна Ивановна Шереметева пишет старшему сыну Сергею в Париж: «Петруша так мил, что ей Богу никто из вас таков не был; учится очень прилежно, даже мы его удерживаем, боимся, чтобы не изнурился». Имя Петра Васильевича также часто упоминается в переписке его дальней родственницы В.П.Шереметевой (Алмазовой) в 1824-1825 годах.

[8] Спустя 8 лет, в 1837 г., в этом доме жил М.Ю. Лермонтов, который дал описание его в романе «Герой нашего времени», часть II: «Вчера я приехал в Пятигорск, нанял квартиру на краю города, на самом высоком месте, у подошвы Машука; во время грозы облака будут спускаться до моей кровли… Вид с трех сторон у меня чудесный. На запад пятиглавый Бешту синеет, как «последняя туча рассеянной бури»; на север поднимается Машук, как мохнатая персидская шапка, и закрывающая всю эту часть небосклона. На восток смотреть веселее: внизу передо мною пестреет чистенький, новенький городок; шумят целебные ключи, шумит разноязычная толпа, – а там, дальше, амфитеатром громоздятся горы, все синее и туманнее, а на краю горизонта тянется серебряная цепь снеговых вершин, начинаясь Казбеком и оканчиваясь двуглавым Эльбрусом. – Весело жить в такой земле! Какое-то отрадное чувство разлито во всех моих жилах. Воздух чист и свеж, как поцелуй ребенка; солнце ярко, небо сине – чего бы, кажется, больше?»

[9] Вспоминая этот эпизод своей жизни, Пушкин нарисовал свой портрет с пикой, в бурке и круглой шляпе – в альбом Е.Н. Ушаковой.

[10] Алексей Васильевич (1800-1857) – представитель Московской линии Шереметевых; его мать – урожденная Тютчева Н.Н., родная тетка Ф.И. Тютчева. «Мой брат по крови и по лени» – в шутку называл поэт Ф.И. Тютчев своего двоюродного брата.

[11] 5.V.1834 г. «Графиня Фикельмон звала меня на вечер. Явлюсь в свет в первый раз после твоего отъезда» (письмо к Н.Н. Пушкиной).

28.VI.1834 г. «Сейчас я послал к гр. Литта извинение в том, что не могу быть на Петергофском празднике по причине болезни».

11.VII.1834 г. «Теперь расскажу о вчерашнем бале. Был я у Фикельмон. Вот вчерась, как я вошел в освещенную залу, с нарядными дамами, то я смутился, как немецкий профессор; насилу хозяйку нашел…»

[12] Князь М.А. Дундуков-Корсаков – попечитель С-Петерб. Учебного округа, председатель СПб цензурного комитета. При С.С. Уварове -- президент Академии Наук.

[13] Здание Голландского дворца было тогда поделено допотопными деревянными перегородками на клетухи – убогие квартирки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив села Михайловского. Письма А.С.Шереметевой. Спб 1901г.
2. Анненков П.В. А.С.Пушкин. СПб 1873.
3. Башкиров В.В., Башкирова Л.Р. Богородск Нижний Новгород, 2000.
4. Кистенева С. След собеседниц Пушкина. // Русская мысль. №7.1994.
5. Кислов К.А. «Юрино. Усадебно-архитектурный памятник». Йошкар-Ола 1995.
6. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений. М.-Л. IV. 1959.
7. Майков Л. Пушкин (биографические материалы). СПб. 1899.
8. Невский А.Я. Прогулки по Пушкинской Москве. М.1999.
9. Общий штат Российской империи. 1827год. СПб.
10. Пушкин в воспоминаниях современников. Л.1950.
11. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Т VIII, Т IX.М.Л.1949.
12. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Т I, М.1962
13. Пушкин. Исследования и материалы. Т II, М-Л. «Наука»1956-1969г.
14. Паустовский К. Кипренский. М. 1985.
15. Русский акварельный и карандашный портрет первой половины XIX века. М.1983.
16. Семевский М.И. «Русская старина». №7.1907.
17. Семевский М.И. «Русская старина» .№1.1909.
18. Семенов Л.П. Пушкин на Кавказе. Пятигорск. 1937.
19. Сушков Н.В. Московский Университетский Пансион. М.1858.
20. Сборник биографий кавалергардов. Т III. 1903.
21. Тютчев Ф.И. Собрание сочинений. Т I. М. 1982..
22. Третьякова Т. Венок Опочинину. Мышкин.1999.
23. Шереметев П.С. Василий Сергеевич Шереметев. СПб.1910.
24. Шереметева (Алмазова) В.П. Дневник, М.1916.
25. Шереметев С.Д. Записная книжка. М.1903.

Содержание

Вместо предисловия.....3

ГЛАВА I.1799 – 1812 ГОДЫ.....7

ГЛАВА II. 1817-1824 ГОДЫ.....9

ГЛАВА III. 1824-1829 ГОДЫ.....12

ГЛАВА IV. 1829-1837 ГОДЫ.....22

ПОСЛЕСЛОВИЕ.....42

Примечания.....44

ЛИТЕРАТУРА..... 46

ЛР № 040815 от 22.05.97.

Подписано к печати 19.06.2002 г. Формат бумаги 60X84 1/16. Бумага офсетная.
Печать ризографическая. Объем 2,9 усл.п.л. Тираж 150 экз. Заказ 2483.
Отпечатано в отделе оперативной полиграфии НИИХ СПбГУ
с оригинал-макета заказчика.
198504, Санкт-Петербург, Старый Петергоф, Университетский пр., 26.